

Со времен прежней династии цзиньские войска на юге вели бесконечные, изнурительные войны с кочевниками племен хуха и цзе. Одиннадцать лет назад Ли Яо лично возглавил поход против хуха, затянувшийся на три долгих года. В решающей битве воины Южной Цзинь отбросили кочевников на тысячи ли от южных рубежей, загнав их в ущелья Чуаньлина, где полегло сорок девять тысяч врагов. Этот разгром фактически обескровил хуха — на полях сражений погибли почти все их боеспособные мужчины.

Вскоре после этого, цепляясь за призрачный шанс сохранить свой народ, прежний вождь хуха покорился Цзинь. Его доставили в столицу, Еян, где в качестве милости пожаловали чин полковника хуха — пустую, ничего не значащую должность, по сути делавшую его почетным заложником. Двое его сыновей остались в родных степях; они разделили кочевья на два крыла, Инь и Ян, и правили ими порознь.

Не прошло и нескольких лет, как старый вождь угас в неволе от тоски. Перед смертью он велел старшему сыну отправиться в Еян, чтобы занять его место при дворе, а младший, Даньмуцзи, провозгласил себя новым правителем хуха. За прошедшие годы племя зализало раны, поднакопило сил и, судя по всему, возмнило, будто снова способно диктовать условия. Кочевники начали осторожно прощупывать границы Южной Цзинь.

Когда Ли Яо вернулся из военного лагеря в свой тихий дворик, луна уже взошла высоко над кронами деревьев. Стараясь никого не тревожить, он молча набрал воды, умылся и сел у стола, бездумно глядя перед собой.

"Пять лет пролетели как один миг. Время безмятежного покоя подошло к концу"

Когда-то он тоже был юн, горяч и дерзок, но вся его былая спесь и воинственный пыл испарились в тот день, когда перед ним лег секретный указ покойного императора.

«Мятежные слуги: пока нужны — используй, придет мир — избавься».

Эти безжалостные слова, словно каленое железо, выжгли в его душе неизгладимый след, иссушив всю юношескую отвагу и веру в справедливость. Тогда, стоя перед нынешним императором, он захлебнулся собственной кровью, окропив ею тронный зал. На следующий день многие сановники получили обратно свои доклады с багровыми пятнами на полях. С тех пор правый канцлер Ли Яо больше никогда не переступал порога императорского дворца.

Ли Яо не был небожителем, не владел тайными искусствами или бессмертной магией. Вне войны и государственных забот он оставался обычным молодым человеком — живым, веселым, любящим посмеяться. Пять лет праздного уединения на благодатном юге разнежили его, и теперь, когда судьба вновь заставляла его иметь дело с дикарями хуха, его разум не мог оставаться холодным и безмятежным.

Но он обладал блестящим умом. Понимая, что раз уж долг зовет, предаваться бесполезным сожалениям о прошлом — лишь зря тратить душевные силы, Ли Яо заставил себя успокоиться. Пора было ложиться спать. Он поднялся и задул свечу.

И в то же мгновение сквозь тонкую струйку тающего фитильного дыма он заметил, как за бумажным окном скользнула тень, отчетливо очерченная лунным светом. Ли Яо мгновенно подобрался, затаив дыхание и приготовившись к защите. В дверь негромко постучали трижды. Из-за створки донесся приглушенный, низкий мужской голос:

— Молодой хозяин, позвольте войти и переговорить?

Голос показался смутно знакомым, но обращение «молодой хозяин» озадачило его. Все еще не теряя бдительности, он вновь зажег свечу и приоткрыл дверь. На пороге стоял крепкий детина — тот самый стражник, что сопровождал императора. Ли Яо отступил на шаг назад и вежливо поприветствовал его, сложив ладони:

— Господин страж, не стоит шутить. У вас поручение от Его Величества?

— Позвольте войти, — тихо попросил мужчина.

Видя его серьезный вид, Ли Яо посторонился. Едва за гостем закрылась дверь, тот с глухим стуком опустился на колени прямо перед хозяином дома.

Это по-настоящему ошеломило Ли Яо. Подобное зрелище изумило бы его куда больше, чем если бы гость попытался ударить его ножом в спину. Он внимательно взгляделся в лицо незнакомца, но так и не смог вспомнить, кто перед ним.

Заметив его растерянность, мужчина слабо улыбнулся:

— Не пугайтесь, молодой хозяин. Я — Ян Сюй. Мой отец, Ян Тао, служил личным телохранителем старого генерала Ли еще при прежней династии...

С этими словами он достал из-за пояса небольшую личную печать из камня шоушань и протянул ее Ли Яо. Ли Яо удивленно приподнял бровь. Имя Ян Тао он помнил прекрасно. В детстве дядя Ян частенько обучал его воинским приемам и наставлял в боевых искусствах.

Взяв печать, он поднес ее к огню. Вырезанный на ней иероглиф «Ли» мгновенно бросился в глаза — этот размашистый, властный почерк принадлежал его деду. Подобные клейма вручались только верным сподвижникам и военачальникам семьи Ли при прежней власти. Когда старый генерал присягнул на верность Южной Цзинь, эти знаки отличия предали забвению.

Теперь, присмотревшись к Ян Сюю, Ли Яо разглядел в его лице знакомые черты покойного наставника.

— Брат Ян, встань же, — он поспешно поднял гостя с колен. — Значит, ты теперь служишь в личной охране императора? Прекрасная служба. Как поживает дядя Ян?

На лице Ян Сюя промелькнула грустная тень.

— Отец ушел из жизни три года назад, — тихо ответил он. — Перед смертью он строго-настрого велел мне никогда не забывать доброту старого хозяина...

Эти настойчивые упоминания о «старом хозяине» заставляли Ли Яо внутренне содрогаться от опасности подобных речей. Опечаленный известием о кончине Ян Тао, он тем не менее сохранил внешнее хладнокровие и, не дав Ян Сюю договорить, мягко, но решительно перебил его:

— Прежние времена давно миновали, брат Ян. Ты теперь состоишь на службе у Его Величества, поэтому забудь слова «молодой хозяин». Тебе не следовало приходить сюда тайно. Возвращайся, пока никто не заметил.

Ян Сюй почтительно поклонился:

— Не беспокойтесь. Государь отправил меня обратно в столицу, чтобы исполнить ваши... то есть указания господина Ли: забрать нужных людей и привезти важные бумаги. Я здесь проездом, вот и решил навестить вас.

"Проездом... Не иначе как через забор перемахнул под покровом ночи, — усмехнулся про себя Ли Яо"

Он прекрасно понимал, какие чувства привели к нему Ян Сюя этой ночью, но не стал развивать опасную тему, а лишь спросил:

— О Его Величестве есть кому позаботиться в твое отсутствие?

— Не извольте беспокоиться, господин Ли. Государь остановился в усадьбе секретаря Хуа. Его сопровождают триста гвардейцев из Дворцового департамента евнухов и пятьдесят лучших мастеров из Ведомства уклонения от повинностей. Чтобы не привлекать внимания, они разделились на мелкие отряды, но сейчас уже воссоединились. Император в полной безопасности.

Ли Яо удовлетворенно кивнул и, не желая продолжать ночные разговоры, пожелал Ян Сюю легкой дороги и проводил его до дверей.

Спустя два дня одинокий всадник, оставляя за собой шлейф серой пыли, миновал пограничный рубеж Южной Цзинь и устремился к Чуаньлину. Одетый в легкую броню, он уверенно держался в седле. Завидев вдали колышущиеся на ветру боевые знамена хуха, воин привычным движением снял со спины легкий арбалет.

Это изящное оружие, которое легко можно было удерживать одной рукой, воссоздали по древним чертежам эпохи Цинь, хранившимся в семье одного из высокопоставленных чиновников Министерства общественных работ. Старинные свитки утверждали, что арбалет способен поражать цели на расстоянии до восьмисот шагов, а на дистанции в сотню шагов его стрелы с легкостью пробивают несколько слоев плотной кожаной брони. Однако поначалу цзиньские мастера не могли добиться дальности полета стрелы более чем на двести шагов. Лишь недавно, когда Министерство общественных работ вплотную занялось разработкой порохового оружия, один умелец додумался снабдить стрелы особым реактивным ускорителем. К хвостовику крепился пороховой заряд, который поджигали перед самым выстрелом. Сначала тетива выбрасывала снаряд вперед силой натяжения, а затем, уже в полете, воспламенялся порох, давая стреле мощный дополнительный импульс.

После сотен испытаний и доработок дальноточность этого чуда инженерной мысли удалось довести до семисот шагов. Оружью дали звучное, поэтичное имя — «Преследующий звезды».

Звучит великолепно, не правда ли? На деле же штука оказалась на редкость бесполезной в настоящем бою. Только представьте: в пылу яростной схватки воину приходится тратить драгоценные мгновения на то, чтобы поджечь фитиль каждой стрелы. О какой скорострельности тут можно говорить? К тому же, когда пороховой ускоритель срабатывал прямо в воздухе, стрела часто отклонялась от курса — малейшая погрешность, и снаряд улетал далеко от цели.

В итоге военные нашли этому изобретению лишь два применения: вести заградительный огонь по плотным вражеским шеренгам или использовать его для особых поручений. Как, например, сейчас.

Всадник натянул поводья, останавливая коня, и достал подзорную трубу, чтобы рассмотреть вражеский лагерь. Затем он извлек из-за пазухи небольшой кожаный пенал и надежно закрепил его на древке стрелы. Наведя прицел, он привычным, отточенным жестом вложил болт в ложе, натянул тетиву и поднес огонь к фитилю.

Раздался глухой хлопок, и огненный росчерк прочертил небо, устремляясь к ставке хуха. Выстрел вышел безупречным: стрела с глухим стуком вонзилась прямо в центральный флагшток лагеря, глубоко уйдя наконечником в прочную древесину.

Ничего не подозревавшие воины хуха оцепенели от неожиданности, а затем среди палаток поднялась паника.

— Вижу его! Вижу! — закричал дозорный с сигнальной вышки. — Это цзиньский всадник! Он один! Развернулся и уходит во весь опор!

У подножия башни один из военачальников хуха сурово осадил подчиненных:

— Спокойно. Это просто вестник. Заберите то, что он прислал, и немедленно доставьте вождю.

Кожаный пенал тотчас внесли в просторный шатер правителя.

Даньмуцзи, вождь хуха, как раз обсуждал дела с советниками. Узнав о случившемся, он презрительно усмехнулся:

— Неужели цзиньские трусы наконец-то расшевелились и решили подать голос?

Суровые ветры и пески Чуаньлина накладывали свой отпечаток на здешних людей. Вождь хуха был крупным, широкоплечим мужчиной лет сорока. Его лицо, иссушенное степным зноем, казалось высеченным из камня, а глубокие морщины напоминали трещины на бесплодной, выжженной солнцем земле. Через всю физиономию тянулся старый, уродливый шрам — от лба до самого подбородка, рассекая лицо надвое и оставляя глубокую расщелину на нижней губе, из-за чего его рот походил на заячью губу.

Можно было лишь догадываться, насколько страшным оказался тот давний удар меча.

Даньмуцзи обладал не только крутым нравом, но и неуклюжими, мозолистыми пальцами. Повозившись с упрямой застежкой кожаного тубуса, он кое-как выудил оттуда свернутый лист бумаги. Разворачивать не стал — просто швырнул стоявшему рядом писарю в длинном халате:

— Терпеть не могу их велеречивые бредни. Читай, что там эти грамотеи нацарапали.

Писарь разгладил бумагу, пробежал глазами строчки и внезапно застыл, лишившись дара речи.

Даньмуцзи, не отличавшийся терпением, вырвал послание обратно:

— Что ты вылупился? Они там заклинание написали, что ли?

Он взгляделся в бумагу, и его брови поползли вверх от изумления.

Письмо было непривычно кратким. Написано оно было вовсе не каллиграфическим почерком, принятым для официальных бумаг, а летящими, размашистыми мазками кисти. Даньмуцзи пришлось изрядно поднапрячься, чтобы разобрать слова:

«Сын Облака!

Дабы нам не мозолить друг другу глаза, верни господина Чжэн Чжэна на юг в течение трех дней.

Ли Яо».

Имя Даньмуцзи действительно переводилось с языка хуха как «сын плывущего облака», но из уст Ли Яо это звучало как издевка.

Вождь долго молчал, пытаясь переварить прочитанное. Наконец он глухо произнес:

— Ли Яо? Тот самый Ли Яо, что громил наши войска? Он ведь давно сдох!

Советник осторожно вставил:

— Слухи об этом ходили, великий вождь. Однако император Южной Цзинь так и не объявил официальный траур. К тому же... почерк действительно похож на те письма, что когда-то получал ваш покойный отец. Тот же дерзкий, властный росчерк.

Да и высокомерие сквозило в каждой строчке.

Даньмуцзи невольно поморщился, и его изуродованное лицо исказилось. Одно лишь упоминание имени Ли Яо мигом сбило с него спесь. В былые годы они сталкивались на поле боя четырежды, и все четыре раза Даньмуцзи терпел сокрушительное поражение. А шрам, разделивший его лицо надвое, оставил именно клинок Ли Яо.

Вождь хуха ненавидел и до смерти боялся своего давнего врага. Услышав о его кончине несколько лет назад, он упивался кумысом в своем шатре и театрально сокрушался перед воинами, что боги оказались несправедливы и лишили его возможности лично отомстить.

И вот — боги услышали его молитвы. Только теперь, когда этот шанс действительно представился, Даньмуцзи готов был бежать без оглядки. Однако показать свой страх перед подчиненными он не мог.

— Что думаете? Как нам поступить? — хмуро спросил он.

Хитрый советник, умело ловивший малейшие перемены в настроении господина, сразу понял, что грозный вождь струсил. Потупив взор, он вкрадчиво произнес:

— Великий вождь, может... вернем им старика? Пусть этот немощный старик лучше помрет на цзиньской земле. Нам лишние неприятности ни к чему.

Находившийся в шатре военачальник яростно хлопнул ладонью по столу:

— Трусливая собака! Одно имя услышал — и уже поджал хвост! Пусть этот Ли Яо сам явится за своим человеком, тогда мы и поглядим, настоящий он или фальшивый! К тому же этот старик едва дышит. Мы и пальцем его не тронули, а он уже хрупок, как сушеный скорпион. Если он подохнет по дороге, цзиньцы все равно обвинят нас!

Другой офицер согласно закивал:

— Верно. Этот Чжэн Чжэн — имперский инспектор. У цзиньцев чиновники такого ранга ценятся на вес золота. Даже если мы вернем его живым, они этого так не оставят.

Даньмуцзи славился своей свирепостью и упрямством, но больше всего на свете ценил собственную репутацию. Он считался сильнейшим бойцом среди хуха, однако так и не уяснил, что вести за собой армию — это не кулаками махать в поединке один на один.

Четыре позорных поражения подряд жгли его душу. Слова офицера о том, что он испугался одного лишь имени, задели вождя за живое.

Даньмуцзи откашлялся и надменно произнес:

— Будем ждать его здесь! Глаз не спускать с этого Чжэн Чжэна. Пока старик у нас в руках, цзиньцы не посмеют сделать глупость.

Письмо ушло, но в ответ не донеслось ни звука. Стало ясно: миром дело не кончится.

На третий день Хуа Синьфэн прислал слугу в его тихий дворик с известием, что все приготовления завершены и император ждет его у себя. Беспокоясь о безопасности учителя Чжэна, Ли Яо не стал терять ни минуты. Он быстро сменил одежду и направился к выходу.

Из-за отсутствия во дворе защитной ширмы Ли Яо еще издалека приметил Цзинпина, ошивающегося у ворот. Юноша подобрал какую-то облезлую ветку и, вообразив себя великим мечником, вяло помахивал ею в воздухе, явно витая в облаках.

Ли Яо сразу понял, что парень караулит его, но сейчас ему было не до пустых разговоров. Он весело крикнул ему:

— Отличная техника! Уж слишком старательно, будто иероглифы на бумаге выводишь! Смотри, увидит твой наставник — живо без обеда оставит!

С этими словами Ли Яо ловко обогнул Цзинпина и направился к коновязи, намереваясь скрыться в мгновение ока.

Но Цзинпин тут же отбросил ветку в сторону и принялся отвязывать второго коня:

— Я еду с тобой.

И, не дожидаясь согласия, легко взлетел в седло.

— Куда собрался? Это тебе не детские забавы! — строго осадил его Ли Яо. Он вставил ногу в стремя, взмыл на лошадь и одарил настырного юношу недовольным взглядом.

<http://bllate.org/book/18368/1760225>